

ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Л. П. ПОТАПОВ

ИЗ ИСТОРИИ РАННИХ ФОРМ СЕМЬИ И РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

(Обычай дарения убитого лебедя у хакасов)

I

В дореволюционной русской этнографической литературе встречаются сведения об особом отношении к лебедю у некоторых сибирских племен и народностей. Еще Страленберг заметил, что у каждого из сибирских племен имеется «особое животное, считающееся священным, как, например, лебедь, гусь, ворон и т. д. Этих животных, священных для племени, не едят, но члены другого племени есть могут»¹. Почитание лебедя и связанные с ним поверья и приметы бытовали у ряда племен и народностей Сибири совсем недавно. Современное старшее поколение еще помнит о них, а отдельные представители этого поколения были в недавнем прошлом не только свидетелями, но и участниками некоторых обрядов, связанных с почитанием лебедя.

Почитание лебедя выражалось в самых различных формах, среди которых были и такие, которые позволяют считать, что лебедь являлся тотемом. Тотемистические черты в обрядах и поверьях, связанных с почитанием лебедя, отмечены, например, П. Шимкевичем для гольдов². Они прослеживаются далеко не у всех сибирских народов. У тунгусов, например, лебедь, как и орел, выступает только в качестве божества-покровителя охотничьего промысла³. У селькупов, напротив, почитание лебедя носило ясные тотемистические черты, как и у бурят, якутов и народностей Саяно-Алтайского нагорья. По сообщению Е. Д. Прокофьевой, у обско-кетских селькупов был род Лебедя (cinkat-tamdur). В родовом амбарчике, возле которого происходили моления перед уходом на промысел, члены упомянутого рода хранили латунное изображение лебедя. При пролете лебедей весной жители селькупских селений выбегали из жилищ и радостными возгласами, поклонами приветствовали пролетающих птиц. «Наши братья прилетели», — говорили при этом селькупы. Некоторые из них подражали крику лебедей настолько искусно, что пролетающие стаи замедляли полет, опускались ниже и начинали кружиться над селением, что считалось хорошим признаком и усиливало ликование селькупов. Женщины видели в этом предсказание семейного благополучия и счастья, а мужчины — удачи в промысле. Е. Д. Прокофьевой при-

¹ J. Strahlenberg, Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia, Stockholm, 1730, стр. 375.

² П. П. Шимкевич, Материалы для изучения шаманства у гольдов, Хабаровск, 1896.

³ Н. Костров, Очерки Туруханского края, «Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества», кн. IV, СПб., 1857, стр. 105.

ходило лично наблюдать у селькупов призывание пролетающих весной лебедей. У них запрещалось убивать лебедя. Если это каким-либо образом случалось, то у убитого лебедя просили прощения. С него осторожно снимали шкурку, сушили ее и хранили. Мясо поедали, но кости оставляли целыми и хранили отдельно в амбаре, исходя из представления о возможности возрождения убитого лебедя. Шкурку лебедя держали в доме вместе с другими домашними идолами — покровителями семьи. Лебедь у селькупов считался также покровителем шаманов, их главным помощником при «путешествии в верхний мир». Изображение лебедя можно было встретить на некоторых шаманских бубнах. Е. Д. Прокофьева сообщила мне, что образ лебедя является устойчивым в селькупском фольклоре. В одном из мифов отражено представление о лебедь как о предке. Лебедь в фольклоре часто изображается помощником селькупских богатырей в их борьбе с врагами. В трудные для богатырей моменты этой борьбы лебедь летит, застилая крыльями небо, и осыпает их врагов камнями и стрелами. В другом сюжете селькупского фольклора говорится об оживлении селькупа при помощи сердца лебедя.

У кетов, соседей селькупов, почитание лебедя зафиксировано В. И. Анучиным, исследовавшим их шаманство. Кетские шаманы изготовляли железное изображение лебедя, считая его любимой птицей доброй богини Томам (т. е. матери р. Томь). Эта белая птица «тих» была не у каждого шамана, но считалось, что тем шаманам, которым она покровительствует и служит, она оказывает большую помощь. «По поручению шамана,— пишет В. И. Анучин,— лебедь летает и к Томам, и на Ледовитый океан; он любит приносить только хорошие вести. Когда лебеди, пролетая над стойбищем, кричат, то люди спрашивают у шамана: «Что они говорят?» Когда шаман во время камлания выкрикнет по-лебединому, это вызывает радостный гул среди присутствующих»⁴. Уно Харва сообщает, что он слышал от «енисейских остяков», будто бы они замечают у лебедя менструации, как у женщин. Ученый обратил внимание на то, что праматерью племен у сибирских народов выступает только лебедь, остальные же животные — лишь праотцами⁵.

Наибольшее количество материалов, относящихся к почитанию лебедя, опубликовано в этнографической литературе о бурятах и якутах.

У бурят в далеком прошлом лебедь был, видимо, одним из тотемов. На это указывает ряд бурятских преданий и поверий, повествующих о происхождении бурят от лебедя. Не ставя перед собой задачи дать полную сводку таких данных, мы сошлемся только на некоторые известные работы. В записях Г. Н. Потанина, например, говорится о том, что буряты рода Хангин «почитают своим предком лебедя... Хангин считает великим грехом убить лебедя; о них рассказывают даже, будто они страшатся взять в руки лебединое перо. Много рассказов о том, как человек, убивший лебедя, потом пострадал. Эти рассказы есть и у других бурят»⁶. Кроме хангинцев, обитавших в Балаганском ведомстве, в этнографических записях Потанина отмечены два рода аларских бурят, у которых, по преданию, праматерью была лебедь⁷. У бурят Хангинского рода был даже особый онгон, представлявший собой изображение лебедя. Опубликованы также поэтические легенды о происхождении некоторых бурятских родов от брака буряты с лебедью⁸. По записям С. П. Балдаева, в числе

⁴ В. И. Анучин, Очерк шаманства у енисейских остяков, СПб., 1914, стр. 55.

⁵ Uno Harva, Die religiösen Vorstellungen der altaischen Völker, «F: F Communications edited for the folklore fellows», т. LII, № 125, Parvoo, 1938, стр. 315.

⁶ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, СПб., 1883, стр. 23.

⁷ Там же, стр. 24. См. также Г. Потанин, Из путешествий по Восточной Сибири, Тибету и Китаю, М., 1895, стр. 8—9.

⁸ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, стр. 24—25; е го же, Из Путешествий по Восточной Сибири, стр. 8—9; Н. М. Хангалов, Бурятские сказки о поверьях, «Записки Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества по Отделению этнографии», т. I, вып. 1, Иркутск, 1899, стр. 114—117.

предков бурят был один из сыновей Борга-батыра, жившего на р. Енисее, по имени Хоредой. Он женился на лебеди, и от брака с лебедью у него родилось одиннадцать сыновей, потомство которых составило одиннадцать родов бурятского племени Хори, т. е. хоринцев. Вот список наименований родов хоринцев, ведущих свое происхождение от лебеди: Галдут, Батинай, Харганай, Худай, Халбин, Хооцай, Гушит, Шарят, Хубдут, Бодонго и Сагаан⁹. Лебедь — праматерь перечисленных родов вернулась на небо, после того как ее сыновья выросли, и завещала им чтить лебедей. Почитание лебеда у бурят проявлялось в том, что эти птицы они не убивали сами и не позволяли это делать посторонним, не ели мясо лебеда и т. п. Весной, при пролете лебединых стай, буряты выбегали из жилищ и брызгали вверх молоко или молочную водку, как бы угощая пролетающих птиц, а женщины им кланялись¹⁰.

О почитании лебеда у якутов сообщает Н. Щукин. Он называет лебедя в числе родовых покровителей якутов и пишет, что мясо лебеда вследствие этого запрещено употреблять в пищу¹¹. В. Ф. Трошанский пишет о лебеде как об одной из почитаемых якутами птиц, причем такой которую почитают целые фамилии родственников по материнской линии. Таким образом, по материалам В. Ф. Трошанского эта птица у якутов являлась родовым покровителем по линии матери. Перья лебеда якуты вешали в переднем углу жилища, чтобы предупредить заболевания домашнего скота¹². По устному сообщению И. С. Гурвича, якуты Байдунского наслега раньше считали лебеда своим родственником. Женщины при пролете лебедей спешили прикрыть голову. Якутские женщины в данном случае поступали точно так, как этого требовал обычай при встрече со старшим родственником их мужей. По личному сообщению А. Л. Новгородовой, уроженки с. Яны, среди янских якутов сохранилось воспоминание о происхождении их от лебеда. Женщинам не только не полагалось есть мясо лебедей, но они не могли и прикасаться к нему. Если охотник случайно убивал лебеда, то птицу хоронили на лабазе.

Почитание лебеда известно с глубокой древности и у некоторых алтайских племен. Об этом свидетельствует прежде всего археологический материал. Как сообщил мне М. П. Грязнов, череп лебеда был найден им при раскопках 1954 г. в неолитическом мужском погребении по р. Оби, близ с. Ордынского (70 км к юго-западу от Новосибирска). Череп лежал на правой руке погребенного около локтя. В Горном Алтае в 5-м Пазырыкском кургане были найдены изображения лебеда, сделанные из войлока, набитого шерстью северного оленя и сшитого сухожильными нитками. Были обнаружены четыре такие мягкие скульптуры.

Древность почитания лебеда на Алтае подтверждается и китайскими летописными источниками. Известная генеалогическая легенда о происхождении части древних алтайских тюрков, зафиксированная китайской династийной хроникой, содержит тотемистические элементы, в числе которых упоминается лебедь¹³.

У современных алтайцев следы почитания лебеда нам пришлось встретить при полевых исследованиях в 1930-х годах. Кумандинцы рассказывали, что у них еще в первые годы после Октябрьской революции многие придерживались старинного запрета убивать лебеда, но объясняли

⁹ Все эти данные из своих полевых этнографических записей любезно сообщил нам С. П. Балдаев.

¹⁰ С. Шашков, Шаманство в Сибири, «Записки Русского географического общества», 1864, вып. 2, стр. 75; Г. Н. Потанин, Очерки Северо-западной Монголии, т. IV, стр. 24.

¹¹ Н. Щукин, Поездка в Якутск, изд. 2-е, СПб., 1844, стр. 276.

¹² В. Ф. Трошанский, Эволюция черной веры у якутов, Казань, 1902, стр. 56—58.

¹³ Интерпретацию этой легенды см.: Н. И. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей, «Живая старина», 1896, вып. III—IV, стр. 278—280.

это уже не родственной связью кумандинцев с лебедем, а тем, что лебедь будто бы был когда-то человеком. Такое же поверье и запрет мы обнаружили и у челканцев живущих по Байголу — притоку р. Лебеди, называвшихся ранее «Куу кижиги», т. е. «лебединцы». Тувинцы также верили, что убивать лебеда нельзя. Нарушивший запрет будто бы платился за это болезнью или даже смертью. Среди тувинцев было распространено поверье, что если убить одного из брачной пары лебедей, второй погибал добровольно, падая на землю со сложенными крыльями¹⁴.

В Туве известен один из родов, носящий имя лебеда. Мы имеем в виду род Куу, или Хуу. Многие тувинцы до сего времени помнят о своей принадлежности к этому роду, который имеет ряд подразделений: Чадан Хуулар, Сугбажи Хуулар, что значит «чаданские» хуулары (лебединцы), сугбажинские хуулары¹⁵. Названия перечисленных подразделений рода Лебеда отражают географическую локализацию групп тувинцев, относящихся к данному роду¹⁶. У тувинцев рода Хуу в старину был обычай дарить убитого лебеда при сватании невесты. Пришедший с убитым лебедем сватать невесту отказа не получал, настолько сильна была традиция, связанная с верой в лебеда как в предка и покровителя рода. У тувинцев рода Кара-Чооды (Тоджинский район) в недалеком прошлом существовал обычай дарить убитого лебеда. Человек, застреливший лебеда, шел дарить его к любому своему сородичу и просил взамен оленя или что-либо другое, в чем он особенно нуждался в это время. Рассказывают, что прежде чем отправиться с такого рода просьбой, убитому лебеде привязывали на шею белую ленту или (когда хотели получить оленя) ременный аркан и только после этого его несли «в гости». Человек, принесший лебеда, войдя в юрту, делал головой лебеда три поклона, затем оттягивал подол своей одежды и опять делал три поклона. Иногда, по рассказам стариков, рядом с лебедем принесший клал еще шкурку белки или соболя. Затем он излагал свою просьбу. Получив просимое, человек, принесший лебеда, уходил домой, а хозяин юрты, куда принесли лебеда, варил полученную птицу и съедал ее мясо своей семьей и родственниками¹⁷. По рассказам стариков-оленоводов, принадлежавших в прошлом к Улугтагскому сумону, тувинец-тоджинец, убивший лебеда, брал от него только одну часть, именно «ужа», и преподносил ее богатому человеку. Получивший отдаривал принесшего четырехлетним оленем¹⁸. Термином «ужа», применительно к части туши домашних животных, обозначали заднюю часть позвоночника с хвостом (у барана, начиная с восьмого позвонка). Эта часть туши, как и «тöш» (грудная кость), считается самой почетной. Она входит в число тех почетных кусков, которые выделяются старшим, наиболее уважаемым родственникам (родителям, живущим отдельно, дяде по матери и т. п.)¹⁹. Наши расспросы о почитании лебеда у юго-западных тувинцев (район озера Кара-холь и р. Алаш) убедили нас в том, что здесь, видимо, не было обычая дарить лебеда, ибо никто из стариков об этом не только

¹⁴ Устное сообщение научного сотрудника Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории Т. Куулар.

¹⁵ Хуулар — множественное число от Хуу.

¹⁶ См. об этом: В. И. Дулов, Пережитки общинно-родового строя и родового быта у тувинцев в XIX — начале XX в., «Сов. этнография», 1951, № 4, стр. 62.

¹⁷ Материалы об обычаях, связанных с лебедем, собраны у тувинцев в 1947 г. по моей просьбе П. И. Каралькиным, сотрудником Саяно-Алтайской экспедиции Института этнографии АН СССР.

¹⁸ Сообщено научным сотрудником Тувинского научно-исследовательского института истории, языка и литературы А. Калзаном.

¹⁹ «Ужа» у тувинцев-охотников, как и у северных алтайцев (уча), представляя собой именно ту часть убитого зверя, которая подлежала в старину коллективному распределению. См. об этом обычае в нашей работе «Черты первобытно-общинного строя северных алтайцев» («Сборник Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР», т. XI, 1949, стр. 37—38).

не помнит, но даже не слышал. Здесь говорили, что лебедь — хорошая и чистая птица, обладающая красивым голосом. Убивать ее можно; мясо едят и считают его вкусным. Однако наиболее сильные и знаменитые тувинские шаманы этого района (например, Сарыг-кам и Хуренгей-кам, из рода Хертек, шаманка Аалчи из рода Карсаал и др.) имели в числе своих главных помощников-эреней семь лебедей (чеди куу). Нам даже рассказали следующий отрывок из обращения шамана к этим эреням:

Черлер кезер чеди куум
 Чырык хуннүң алтында
 Караҕының, кыдында
 Қаргыраалыг кара кемде
 Халыткактыг кара таштыг
 Соортууктуг кара балгаш
 Чес хола көвүрлүг
 Хылдар көвүрлүг
 Чөвүрээ көвүрлүг
 Хаалгазы ажык хан кара ба-
 жында
 Чеже кижы бары керек
 Оон чанында хыржың кажаа
 иштинде
 Кызыл хыны хыйылганнар
 Саны чежел, чеди куу, чуну
 билдинг?
 Уш көвүрлүг ис кестиҕер бе?
 Олген кижы чөвүрээ көвүрүгдең?
 Хыл, чес хола көвүрлүгдең тир-
 риг кижы кежер чуве?

Рыскающие по свету мои семь лебедей
 Под светлым солнцем,
 В краю вечной темноты,
 В узком темном ущелье,
 В уступистых темных камнях,
 В засасывающей черной грязи,
 За латунно-медным мостиком,
 За волосьяным мостиком,
 За корьевым мостиком,
 С открытой дверью в черно-кровоном
 доме,
 Надо узнать, сколько там умерших

Около него в плетеном загоне,
 Красной кровью поливших,

Сколько их, семь лебедей, что узнали?
 Осмотрели ли следы у трех мостов?
 Мертвые проходят ли через корьевого
 мост?

Через волосьяной мост проходят ли
 мертвые?

У телеутов, живущих по рекам Большому и Малому Бочатам в Кемеровской области, с лебедем был связан такой обычай. Человек, убивший лебедя, снимал с птицы шкуру, сохраняя при этом нетронутой голову, привязывал к шее лебедя кусок новой ткани, например кумача, или новую мужскую рубашу, курил вино и ехал с лебедем в гости к своему дяде по матери (тай). Войдя в дом дяди, он вешал шкуру лебедя в переднем углу (төр) и затем просил у своего дяди все, чего он только хотел. Сила обычая была такова, что дядя беспрекословно исполнял просьбу племянника, хотя это ему иногда наносило большой материальный ущерб. Так, он мог отдать племяннику лучшую лошадь или корову. Правда, у телеутов, как и у всех алтайских племен, распространен обычай ездить с выкуренным вином к дяде по матери за каким-либо подарком и без лебедя. Но дядя в этих случаях мог лишь частично выполнить просьбу племянника, либо отговориться неимением того, что просил племянник. Словом, дядя мог вести на эту тему разговор и даже несколько «поторговаться», если можно так выразиться. Но когда племянник приезжал с лебедем, то просьба его была для дяди «законом», как выразился один из телеутов, рассказывавший мне об этом обычае.

II

Рассмотрим теперь хакасский обычай дарить убитого лебедя. Этот обычай привлек к себе внимание ряда путешественников и исследователей, сообщивших о нем в своих публикациях краткие сведения. Вообще говоря, обычай дарить лебедя стал известен в сибиреведческой этнографической литературе именно из описания быта хакасов. М. А. Кастрен, посетивший хакасов в 1847 г., упомянул в своих путевых записках, что из птиц хакасы почитают больше всего лебедя. Вместе с этим он сообщил следующее: «Когда татарин (т. е. хакас.— Л. П.) застрелит лебедя, он отправляется с ним к соседу и, по предварительном угощении айраном, дарит ему, а сосед отдаривает его лучшей лошадейю. Новый владе-

лебеда, в свою очередь, отправляется с ним к своему ближайшему соседу. Таким образом, лебедь переходит из юрты в юрту, пока за полусгнившую птицу кому-нибудь придется поплатиться лучшим конем»²⁰. Об этом обычае у хакасов-качинцев сообщает и Н. Костров, видимо, пересказывая Кастрена: «Самым дорогим даром считается лебедь. Как скоро татарин застрелил лебеда, он отправляется с ним к соседу, и, по предварительном угощении айраном, дарит его ему, за что сосед непременно должен отдарить лучшей своей лошадью. Новый владелец лебеда в свою очередь отправляется с ним к своему ближайшему соседу и обменивает его также выгодно. Таким образом лебедь переходит из юрты в юрту, пока придется наконец кому-нибудь поплатиться лучшим конем за полусгнившую птицу»²¹.

Кратко, но более четко описывает этот обычай у качинцев Н. Попов, приводя интересные детали. «О лебеде качинцы говорят,— пишет автор,— что он умнее и осторожнее всех птиц и редко встречается. Осенью его нельзя стрелять, случится несчастье, а весной и летом можно. Если бедняк убьет лебеда, то надевает ему на шею платок и везет дарить богатому татарину. Тот, принявши подарок, отдаривает конем, бычком или бараном, а лебеда сохраняет до какого-либо праздника:— тогда созывает гостей и угощает их лебединым мясом, как самым лакомым кушанием»²². Наконец, можно сослаться еще на Н. Катанова. По его словам, бельтиры считали грехом убить лебеда. Но и у них существовал обычай дарения лебеда: «В прежние времена,— говорится в записях Н. Катанова,— были такие обычаи: если застрелить лебеда и, взявши (его и) вина с собой, поехать в гости, давали лошадь; если застрелить кыскылака²³ и (взявши его с собой) поехать сватать, то давали дочь; если драхву (тодак) и, взявши (ее и) вина с собой, поехать, то давали, кажется, теленка; если везти журавля, то давали стельку (для обуви)»²⁴. Таковы материалы по хакасскому обычаю дарить убитого лебеда в нашей этнографической литературе. Между прочим, обычай дарения лебеда в начале XIX в. был, видимо, настолько распространен у хакасов, что нашел отражение в судебном материале. Мы встретили упоминание о нем в одном из документов архива Степной думы соединенных и разнородных племен, именуемой еще Аскыской или Сагайской, как об обычае, входившем в кодекс обычного права. В связи с разбором одного дела 13 июня 1832 г. о покраже лошади один из ясачных Сагайского улуса (или рода) 2-й половины, именно Михаил Кулереков, дал следующее показание: «Жеребенок шерстью гнедой, виноходный (иноходь.— Л. П.) действительно им, Кулерековым, тому Токоянову отдан, но не продан, а дан за привезенного ему, Токоянову, в подарок лебеда»²⁵.

Заинтересовавшись этим древним обычаем, я поставил задачу по возможности выяснить его и собрать о нем фактический материал во время поездок к хакасам в 1946—1952 г. Однако мне уже нигде не удалось обнаружить бытования этого обычая, хотя память о нем у старшего поколения хакасов необычайно жива. Я неоднократно встречал лиц, которые раньше сами, по их выражению, возили или принимали «в гости» лебеда. По их рассказам я и получил возможность пополнить и уточнить сведения, имеющиеся о данном обычае в литературе. Попытаюсь не только изложить, но и обобщить полевые материалы о дарении уби-

²⁰ M. Castren, Reiseberichte und Briefe, St. Petersburg, 1856, scy. 313.

²¹ Н. А. Костров, Очерки быта минусинских татар, «Труды четвертого археологического съезда в России», Казань, 1884, стр. 220.

²² Н. Попов, Поверья и некоторые обычаи качинских татар, «Изв. Русского географического общества», т. XX, СПб., 1884, стр. 650.

²³ Кыскылак — видимо, черный аист (*Cigonia nigri L.*).

²⁴ Н. Ф. Катанов, Отчет о поездке, совершенной в 1896 г. в Минусинский округ Енисейской губернии, Казань, 1897, стр. 59—60.

²⁵ Хакасский областной архив, ф. 2, оп. 1.

того лебеда, а точнее — об обычае возить его «в гости». Они собраны мной у различных групп хакасов, проживающих в различных районах Хакаской автономной области. Сагайцы Аскизского и Таштыпского районов повсеместно говорили о том, что, как думали раньше, человек, убивший лебеда, должен был навлечь на себя несчастье, и поэтому он немедленно шел дарить или «нес в гости» убитого лебеда к кому-либо из своих знакомых. Но если хакас убивал одновременно брачную пару лебедей, то в таком случае он будто бы мог и не соблюдать обычая. Почему так можно было поступать, никто нам объяснить не мог. Лебедей, встречающихся на территории Минусинской котловины, хакасы различали по видам, и в зависимости от этого определяли, что просить у хозяина, к которому несли в гости убитого лебеда. Если несли большого белого лебеда (видимо, взрослую птицу лебеда-кликун — *Cygnus L.*), то за него получали обязательно лошадь. У такого лебеда крылья в развернутом виде доставали от пола до дымового отверстия в крыше юрты. Если лебедь был меньшего размера и желтоватого цвета (возможно, тоже из породы кликунов, среди которых встречаются особи с желтоватой окраской перьев), то за такую птицу получали корову. Наконец, за маленького лебеда сероватого цвета (молодой лебедь-кликун имеет сероватую окраску) брали овцу. В соответствии с этим лебеда называли либо «лошадиным» (ат хуу), либо «коровьим» (инек хуу), либо «овечьим» (хой хуу). При этом «овечий» лебедь определялся еще по цвету ног — он был «кара азакты», т. е. черноногим, в то время как у «лошадиного» и «коровьего» лебедей ноги были белыми. Убитому лебеду, перед тем как нести его в гости, привязывали к шее ленту, платок или пояс, а в старину — мужскую рубаху. «Лошадиному» лебеду полагалось на шею надеть красную ленту, «коровьему» — белую, а «овечьему» — желтую.

Надев на лебеда соответствующую ленту, взяв с собой вина и что-нибудь из одежды (шапку, сапоги или рубаху), человек, убивший лебеда, завертывал его обычно в большой платок, брал подмышку (головой вперед) и входил в юрту или дом того хозяина, которому он решил преподнести убитую птицу. Он надевал на хозяина шапку или рубаху, угощал его вином и говорил: «Хуу төргине килдим» (Лебеда в гости принес) или «Төргин хуунын төргинин апарчам» (С просьбой принес лебеда в гости). После этого принесший передавал лебеда хозяину, распивал с последним вино и получал лошадь, корову или овцу, в зависимости от того, какой был принесен лебедь. Отказаться от приема лебеда нельзя было. Это допускалось обычаем только в том случае, если лебеда приносили к такому хозяину, который сам или его ближайшие предки (отец или дед) уже однажды получили убитого лебеда и отдали за него. Впрочем, старик Кобонг Боргояков (78 лет), сообщавший нам эти сведения²⁶, заметил, что на его памяти (т. е. в начале нашего столетия) были все же случаи отказа принять убитого лебеда. Но в таких случаях принесший его уходил от хозяина, держа лебеда подмышкой головой не вперед, а назад, что означало, как верили тогда, что на скупого хозяина насылались различные беды и несчастья.

Получивши лебеда и отдавши за него коня или корову, хозяин юрты спешил выкурить вина, привязывал к шее птицы новую ленту, завертывал в новый платок, взамен оставленных у себя, и торопился отнести лебеда к другому хозяину и также получал от него лошадь, корову или овцу. Передавали лебеда от хозяина к хозяину не более чем до семи раз, пока у лебеда не высохали (солпарар) или не вытекали глаза, которые, впрочем, до истечения семидневного срока иногда замещали черными бусинками. Тот человек, который получил лебеда, но не мог уже дальше его передать, вследствие того, что птица начинала разлагаться, устраи-

²⁶ В 1946 г. Кобонг жил в верховьях р. Теи в селении Уут-алы. Он происходил из рода Кобый.

вал у себя хуу той (лебединый пир). Впрочем, праздник мог сделать любой хозяин, пожелавший оставить у себя подаренную птицу, но только начиная с третьего по счету. Хозяин, устраивавший хуу той, колол бычка или овцу, выкуривал вино и приглашал гостей, в том числе и человека, принесшего ему лебедя. Приглашенные приезжали с вином и обязательно с подарками (деньги, овцы и т. д.) и, таким образом, по существу в известной мере возмещали убыток хозяину, лишившемуся коня или коровы за оставленную у себя птицу. Во время пира хозяин брал лебедя и отрубал ему голову со словами: «Мин хуу пазы кисчем, паза мага, менинг палаларым хуу кирбезин» (Я отрубая голову лебедю, больше мне, к моим детям лебедь пусть не заходит). Лебедя варили, голову съедал хозяин, а его семья и гости съедали остальное мясо.

Таков, в основных чертах, был обычай дарить лебедя у сагайцев, как это нам удалось выяснить путем расспросов. Само собой разумеется, что мы не имели возможности восстановить по рассказам все детали и варианты этого обычая у сагайцев, конечно, в большинстве уже забытые. Так, по записям П. И. Каралькина видно, что за последнее время были отступления в части отдаривания за принесенного в гости убитого лебедя. П. И. Каралькин со слов очевидца, Кулунчака Кочелекова (68 лет) написал²⁷ следующий рассказ. Когда тот был маленьким, то один из русских крестьян села Иудино, принадлежавший к секте молокан, убил лебедя. Зная об обычае сагайцев, он принес его своему знакомому сагайцу Старке Чубучакову, и тот, приняв птицу, отдарил русского крестьянина трехлетним бычком. В свою очередь, Чубучаков понес лебедя Владимиру Кочелекову; чем его отдарил Кочелеков, рассказчик уже не помнит; Кочелеков отнес затем лебедя к Пахча Сазанакову и получил от последнего молодого жеребенка. Пахча оставил лебедя у себя и устроил хуу той. К нему собрались с подарками родственники и соседи, и лебедя сварили и съели.

Таким образом, здесь за одного и того же лебедя брали и бычка, и жеребенка. Про этот обычай у бельтир, составлявших ранее отдельную, хотя и смешанную по происхождению, группу хакасов, удалось собрать и такого рода сведения, которые ниже переданы в русском переводе записи, сделанной по-хакасски научным сотрудником Хакасского научно-исследовательского института²⁸: «По старинным поверьям хакасов, есть четыре разных лебедя: конь, корова, овца, человек. Если кто-нибудь застрелит «лошадиного» лебедя, то этот человек, завязав на шею лебедя ленточку из платка или из шелка, с вином и продуктами едет к кому-нибудь в гости его дарить. Застреленный лебедь здесь остается, а подарившему дают лошадь. Затем этому лебедю снова завязывают вторую ленточку и получают за него в дар лошадь. Так с лебедем ездили до трех дней, только последний хозяин мог съесть его. Если случалось застрелить «человеческого» лебедя (кызы хуузын атып алза), то за него получали девушку, за «овечьего» лебедя — овцу. Этот обычай бросили недавно». Приведенное краткое сообщение становится понятным в свете материалов, изложенных выше, и подтверждает наличие в прошлом у бельтиров развитого обычая дарить убитого лебедя.

Благодаря П. И. Каралькину, имеется возможность утверждать, что интересующий нас обычай некогда соблюдался также кизыльцами, значительная часть которых вошла в состав современных хакасов. У кизыльцев воспоминания о дарении убитого лебедя сохранились хуже, чем у сагайцев. Однако обычай у них был весьма сходен с сагайским, только здесь после того как лебедя оставлял у себя тот или иной хозяин, с шен лебедя

²⁷ Кулунчак Кочелеков принадлежал к сеоку Ак-Пельтир и жил тогда в улусе Красный ключ Аскизского района.

²⁸ Записано в селении Малый Монок Аскизского района У. Инкижековой от учителя Н. М. Ултургашева (1952).

снимали шкурку и высушивали ее. Получался мешочек (тулуп), в котором хранили деньги, считая, что это способствует тому, чтобы у хозяина водились деньги. Если кто получал убитого лебедя в подарок, тому обычно говорили: «У тебя теперь есть в чем деньги хранить»²⁹.

Нам не удалось собрать материалы по характеристике этого обычая только у койбалов. Собранный нами полевой материал, конечно, не может считаться исчерпывающим. Он отражает, вероятно, лишь фрагментарно различные стадии развития этого обычая, существовавшего у ряда племен и народностей Саяно-Алтайского нагорья, по нашему убеждению, с глубокой древности.

III

На основе совокупности фактов, характеризующих обычай дарения убитого лебедя у хакасов, мы хотели бы высказать некоторые соображения относительно происхождения его. В литературе по этому поводу имеется только одно замечание, принадлежащее Г. Н. Потанину, который пишет относительно этого обычая у качинцев: «Вначале убитый лебедь покупался теми людьми, которые считали себя его потомками, потом установилась норма уплаты за него, покупка обратилась в обязанность, и прежний торг получил вид обмена подарками»³⁰. Нельзя согласиться со столь упрощенным, правда высказанным мимоходом, объяснением весьма древнего и сложного обычая, существовавшего в условиях общего для всех запрета убивать лебедя. Поэтому попытаемся выделить и проанализировать основные черты обычая. Вряд ли можно сомневаться в том, что за последнее время, во всяком случае в XIX и начале XX в., лебедя убивали и несли к соседу или вообще к богатому человеку с единственной целью — получить за принесенного в гости лебедя лошадь или корову, так как обычай принятия в гости этой убитой птицы все еще носил обязательный характер. Как говорилось выше, хакасы принимали лебедя даже от русских крестьян. Однако сводить происхождение обычая к таким материальным расчетам было бы неправильно, так как этим не объяснить, например, почему несли в гости именно лебедя, а не какую-нибудь другую птицу или зверя. Неясно в таком случае, почему вообще нужно было отдавать принесенного лебедя лошастью или коровой и т. д.

Центральным звеном, раскрывающим смысл описанного обычая, является, конечно, дарение убитой птицы, что выражалось у хакасов формулой «Хуу төргинет парчам» (Лебедя несу в гости). Выше уже указывалось, что у сагайцев принесший убитого лебедя говорил хозяину: «Хуу төргине калдим» (Лебедя в гости принес) или «Төргин хуунын төргинен апарчам» (Лебедя в гости принес с просьбой). Отправление лебедя в гости подчеркивалось и тем, что его символически «наряжали», т. е. привязывали к нему на шею новую рубаху (при этом мужскую), платок или простоленту. Стало быть, нужно проанализировать прежде всего именно этот элемент обычая. Как мы указали, отправление лебедя в гости выражалось у хакасов термином «төргин». Термин этот очень интересен. Он имеет весьма специальное значение в тюркских и монгольских языках. Термин «төргин» означает не всякую поездку в гости, а только поездку в гости к родственникам по матери или к родственникам жены, причем поездку со своим вином и непременно с какой-либо просьбой, за получением какого-либо подарка. «Төргин» весьма древний монгольский и тюркский термин, возникший, возможно, еще во времена сложения тюркско-монгольской языковой общности, и отражает раннюю ступень в развитии родовых отношений. Термин этот возник, несомненно, в условиях господства материн-

²⁹ Записано П. И. Каралькиным от кизыльца С. П. Кадышева, принадлежавшего к сеоку Пуга и проживающего в улусе Тарча Ширинского района.

³⁰ Г. Н. Потанин, Очерки Северо-западной Монголии, т. II, примечание 18 к главе 1-й.

ского рода. Б. Я. Владимирцов в свое время подчеркнул первоначальное значение этого термина у древних монголов. «Родственники по матери,— пишет он,— или родственники жены — это ведь было одно и то же, обозначались особым термином «törgüd», множественное число от törgün»³¹. Но такое же значение имел этот термин и у древних тюрков. Мы находим его (в форме түркүн или төркүн) у Махмуда Кашгарского (XI в.) в значении «место, где собирается племя», «отчий дом»³². Широко распространено это слово (төргин, төркүн, төргүн) у современных тюркоязычных народов с сохранением его древнего смыслового значения. Именно такое значение его сохранилось и в языке хакасов. У алтайцев и телеутов төркүн — төргүн означает поездку племянника в гости (с вином) за подарком к дяде по матери, а также поездку в гости замужней женщины к своим родителям. Правда, наряду с этим, в настоящее время у алтайцев словом «төргүн» называют уж всякую поездку в гости с вином, а не только к родственнику. В. Радлов отметил этот термин у казахов в значении «родители и все родственники жены», «дом отца жены», а у телеутов он записал слово «төркүла» в значении: отправляться к родственникам жены с вином или другими подарками, с целью выпросить себе чего-нибудь (денег, скотины, пчел и т. д.)³³.

Таким образом, выясняется, что семантика термина төргүн — төргин отражает ранний период в истории развития тюркских и монгольских племен (в том числе и тюркоязычных племен Саяно-Алтайского нагорья), а именно эпоху господства материнского рода. Характерной особенностью этой эпохи, что хорошо известно, было широкое распространение кузенного брака. У алтайских племен, в частности, как это уже доказано, ортодоксальной формой брака в древности был брак на дочери дяди по матери³⁴. В таких условиях поездка к дяде по матери просто в гости или с какой-либо просьбой являлась в то же время поездкой к отцу будущей или уже имеющейся жены, т. е. поездкой к родственникам не только матери, но и к родственникам жены. Вот почему у алтайских племен в древности термин төргүн — төргин обозначал одновременно поездку в гости к родственникам матери и к родственникам жены, сохраняясь в таком значении до нашего столетия.

Это дает основание заключить, что и у далеких тюркоязычных предков хакасов обязательной нормой брака был брак на дочери дяди по матери, которого хакасы, как и алтайцы, кстати сказать, также именуют древним термином «тай», известным еще по древнетюркским руническим надписям. Следовательно, мы вправе предположить, что обычай возить убитого лебедя в гости носил у хакасов название «төргин» потому, что этот обычай возник в ту древнюю эпоху, когда лебедя возили к родственникам по матери, являющимся одновременно и родственниками по жене. Кроме анализа семантики термина «төргин», в обоснование такого предположения мы хотели бы сослаться на телеутский обычай привозить убитого лебедя именно к дяде по матери, причем племянник вешал шкуру убитого лебедя в передний угол (төр), куда вешают изображения покровителей рода. Так поступали, несомненно, потому, что лебедь считался покровителем, а в прошлом, конечно, тотемом если не всего племени, то некоторых телеутских родов. Приняв лебедя, дядя по матери выполнял просьбу племянника и никуда не передавал лебедя дальше. Ссылка на телеутский материал для выяснения происхождения обычая дарить лебедя у хакасов является, по нашему мнению, вполне допустимой, ибо у хакасов и телеу-

³¹ Б. Я. Владимирцов, Общественный строй монголов, Л., 1934, стр. 48, см. также стр. 59.

³² См. об этом у А. Н. Кононова в статье «Опыт анализа термина түрк», «Сов. этнография», 1949, № 1, стр. 44.

³³ В. Радлов, Опыт словаря тюркских наречий, т. III, СПб., 1905, стр. 256—257.

³⁴ Н. П. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, «Сов. этнография», 1937, № 4.

тов часть далеких тюркоязычных предков была общей, а в XIV—XVII вв. те и другие кочевали по соседству, и между ними существовали экономические, культурные и бытовые связи. У хакасов, если опираться на материал, отмеченный в литературе, и на наши полевые записи, наиболее древний элемент рассматриваемого обычая — возить лебеда в гости к дяде по матери, вероятно, исчез. Здесь лебеда несли в гости вовсе не к родственнику, а к любому человеку. Однако сомневаться в существовании в прошлом такого обычая у хакасов едва ли возможно, так как об этом свидетельствует само название *тöргин*, которым в древности обозначали церемонию отправления в гости убитого лебеда к родственникам по матери.

В связи с изложенным мы хотели бы выдвинуть следующую гипотезу для объяснения происхождения и эволюции обычая дарить убитого лебеда у хакасов. В основе его лежат древние тотемистические представления некоторых племен Саяно-Алтайского нагорья, со временем забытые. Что лебедь был когда-то тотемом, можно судить по сюжету легенды древних алтайских тюрков, в частности северных, зафиксированной китайской летописной хроникой, о чем мы говорили выше. Тотемистический характер представлений о лебеде и их связь с материнским родом выступают у современных селькупов и кетов, у бурятов, якутов, т. е. у ряда племен и народностей, связанных с проживанием в прошлом или настоящем на Саяно-Алтайском нагорье. Фактический материал по этому вопросу мы изложили выше.

Мы находим, что первоначально лебеда возили в гости с единственной целью — получить в жены дочь дяди по матери, так как женитьба на дочери дяди по матери была в то время обязательной формой брака. Лебедь выступал здесь как тотем, как старший предок, покровитель рода и охранитель традиций. При этом весьма вероятно, что лебеда специально убивали для поездки за невестой. Никаких дарений за привезенного лебеда, ни передачи лебеда другому лицу первоначально, как мы полагаем, не было. В пользу нашей гипотезы говорит ряд пережитков, сохранившихся до нашего столетия у некоторых племен и народностей Саяно-Алтайского нагорья. Прежде всего, разве не является таким пережитком телеутский обычай везти лебеда именно к дяде по матери? Мы твердо знаем, что у телеутов существовал в прошлом односторонний кузенный брак, согласно которому племянник обязан был жениться на дочери дяди по матери. Эта форма брака постепенно исчезла, но убитого лебеда племянник по традиции вез к дяде по матери, а тот давал племяннику уже не дочь, а хорошую лошадь или что-нибудь другое. Такова уж сила традиции, хотя в рамках ее произошли некоторые изменения, соответствующие реальным условиям жизни. Однако такого рода пережитки первоначальной формы обычая сохранились и у самих хакасов. Мы видим их в преданиях и рассказах о том, что за привезенного лебеда определенного вида нужно было отдавать девушку, вследствие чего такой лебедь назывался «кыс хуу», т. е. «девичьим» лебедем. Стало быть, воспоминания о том, что за лебеда отдавали девушку, еще не исчезли из народной памяти хакасов. Но это могло быть в свое время только потому, что и у хакасов упомянутый выше вид кузенного брака был обязательным, закрепленным в их тотемистических представлениях. Характерно, что во всех рассказах, в которых говорится о «девичьем» лебеде, не упоминается о том, что, отдав девушку, этого лебеда передавали дальше на тех же условиях. Наконец, у тувинцев также сохранилась память о том, что, когда привозили в гости лебеда с целью посватать девушку, отказа не было. Разве в этом нельзя видеть пережиток того же самого обычая, о котором мы только что говорили, ссылаясь на телеутов и хакасов? Само собой разумеется, что обычай привозить лебеда в гости возник у древнего тюркоязычного населения Саяно-Алтайского нагорья не как универсальный. Он бытовал только у тех родов или племен, у которых лебедь был тотемом.

Существование этого обычая в его первоначальной форме нужно,

видимо, рассматривать как конкретный вид проявления тотемизма, возникший в эпоху господства материнского рода в условиях одностороннего кузенного брака. У нас имеются основания предположить, что лебединый той устраивали в древности также в доме дяди по матери, когда племянник приезжал за принадлежавшей ему по нормам брачного права девушкой. За это говорит тот общеизвестный факт, что большинство пиров, устраиваемых в процессе свадебного обряда у народностей Саяно-Алтая, вплоть до недавнего времени происходило в доме родителей невесты³⁵. Это значит, что лебединый пир, освящающий древнюю брачную традицию, с присутствием, даже с поеданием тотема, происходил первоначально в доме дяди по матери. Если исходить из дошедшего до нас хакасского материала, то в этой связи следовало бы обратить внимание на то, что голову лебедя съедал хозяин дома, к которому приносили лебедя в гости. В этом также можно видеть пережиток обычая предоставлять при родовых пиршествах голову поедаемого животного (или птицы) дяде по матери, что зафиксировано в этнографической литературе.

Конечно, предлагаемая нами гипотеза для объяснения происхождения обычая дарить или, точнее, привозить в гости убитого лебедя у хакасов не может быть подтверждена во всех ее частях фактами, взятыми из жизни хакасов. Это вполне естественно, ибо древний обычай дошел до нашего времени в весьма измененном, по сравнению с первоначальным, виде. В нем накопились и отразились различные позднейшие изменения. У хакасов уже давно исчез односторонний кузенный брак, предписывающий женитьбу на дочери дяди по матери. Хотя, как мы убеждены, даже при исчезновении этой формы брака племянник, убивший лебедя, был обязан по традиции везти лебедя в гости к дяде по матери и тот отдавал его лошады, коровой и т. д. Дядя должен был как бы откупаться от племянника за свою дочь. Следует еще раз подчеркнуть, что вначале обычай привозить лебедя в гости практиковался у предков хакасов, как можно предполагать, только у тех родов и племен, у которых лебедь был тотемом. Но затем, при смешении родов и племен Саяно-Алтайского нагорья, происходившем под влиянием самых различных причин, о которых здесь нет возможности говорить, обычай возить лебедя в гости распространился у хакасов довольно широко и вышел из обязательных рамок близкого родства. Объяснить это явление в отношении хакасов можно между прочим и тем обстоятельством, что в их состав влились кетский и самодийские (родственные селькупским) этнические элементы. Это представляло благоприятную почву для распространения интересующего нас обычая, ибо в тотемистических представлениях кетских и самодийских родоплеменных групп лебедь также занимал видное место. Однако у хакасов обычай, как уже отмечалось выше, претерпел некоторые изменения по сравнению с тем, каким он был в его ранней форме. Цель различных нововведений, как нам кажется, состояла в том, чтобы обеспечить соблюдение древней традиции в новых экономических условиях (в условиях индивидуального хозяйства и частной собственности) таким образом, чтобы это не было экономически слишком обременительным. Именно так можно объяснить тот факт, что принесенного в гости лебедя тотчас же отправляли в гости еще к какому-либо домохозяину и компенсировали отданную в дар за лебедя свою лошадь получением за него другой. Однако, как уже подчеркивалось, возить лебедя в гости от хозяина к хозяину можно было только до тех пор, пока у птицы не обнаруживались признаки разложения. При таком обыкновении всегда оказывался домохозяин, который, приняв лебедя и отдав за него лошадь, должен был оставить его у себя. Этот домохо-

³⁵ В. Вербцкий, Алтайские инородцы, Казань, 1893, стр. 85; Н. П. Дыренкова, Пережитки материнского рода у алтайских тюрков, стр. 33.

зьяин обычно и устраивал лебединый той, на который к нему съезжались родные, соседи, знакомые и т. п. Традиция устройства такого праздника с коллективным поеданием мяса лебедя, возникшим, по нашему предположению, как тотемическая трапеза, совершавшаяся в эпоху материнского рода в доме дяди по матери, теперь стала использоваться в интересах хозяина, устраивающего той. Съезжающиеся к нему на празднество должны были везти различные подарки, которые нельзя рассматривать иначе, как компенсацию хозяину, поплатившемуся лошадью за принятого лебедя.

В этой связи мы хотели бы обратить внимание на тот момент лебединого праздника, когда хозяин, отрубая голову лебедю, произносил вслух: «Больше ко мне и к моим детям лебедь пусть не заходит». В этой формуле хорошо отражено то обстоятельство, что обычай этот уже находился в последнее время в стадии его изживания. Кроме того, обязанность принять лебедя в гости и отдарить за него принесшего лошадью, коровой и т. п. была сведена постепенно к минимуму: хакас должен был принять в гости лебедя только один раз, и то если этого не приходилось делать его отцу или деду. Напомним, что местами у хакасов и в таком виде данный обычай уже полностью исчез еще в начале XX в. и память о нем можно обнаружить только в преданиях.

Итак, наша гипотеза сводится к тому, что существовавший еще недавно хакасский обычай привозить убитого лебедя в гости имеет весьма древнее происхождение, возникшее в эпоху материнского рода на почве специфической формы кузенного брака и тотемистических представлений далеких исторических предков современных хакасов и алтайцев. Он дошел до нас уже в весьма измененном виде, выработавшемся в новых бытовых и экономических условиях и в результате смещения древних тюркских, самодийских и кетских тотемистических представлений, происходившего в процессе сложной этнической истории народностей Саяно-Алтайского нагорья.
